

II. MATERIAŁY – MATERIALS

ВЛАДИМИР И. КУЛАКОВ*

СОСУДЫ С НАЛЕПАМИ В ДРЕВНОСТЯХ ЭСТИЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ МОГИЛЬНИКА LAUTH/Б. ИСАКОВО)

В процессе изучения древностей железного века юго-восточной Балтии археологи долгое время не обращали своего внимания на керамику римского времени, в массе известную как на поселениях, так и в грунтовых могилах самбийско-натангийской культуры. Лишь в 1994 г. мною была выдвинута первичная типология керамики Янтарного края, включавшая 17 типов. Из них 11 являлись лепными формами и в целом относились к древностям эстиев I-VI вв. н.э. (Кулаков В.И., 1994, рис. 22). Данные формы по своим признакам заметно отличались от керамики остальных племён Балтии (отметим, что курши, ближайшие соседи эстиев/пруссков, керамику в погребальных церемониях практически не использовали). Особым, неизвестным у прочих балтов признаком сосудов эстиев были налепы. Они встречены на следующих сосудах:

Подтип 1.1 – сосуды с расширением тулова в средней трети высоты, выс. ок. 18 см, «... у ребра встречаются налепные вертикальные выступы (рудименты ручек ?)».

Подтип 1.2 – «сосуды с расширением тулова несколько ниже середины высоты..., обязательными являются лишь конической формы налепы (от трёх до пяти). Сюда же относятся и сосуды с ручками, крайне немногочисленные на Самбии» (Кулаков В.И., 1994, с. 42).

Позднее типология лепных сосудов была мною уточнена на основании работок Рышарда Волонгевича. Так, к сосудам с налепами добавились горшки с S-видным профилем типа Wiekau (тип Ryszard Wołagiewicz VIIIС), обладавшие гусеницеобразными многочастными ручками (восходят к сосудам раннего железного века типа Gaerte 120F – Кулаков В.И., 2003, рис. 104), тип Dollkeim, у которых идущий по плечу пролощённый орнамент был, как правило, разделён тремя вертикальными налепами овальной или прямоугольной формы, тип K6 – горшки с одиночными налепами на плечике, тип R(yszard)

---

* Institut Archeologii Rosijskoj AN, ul. Dm. Uljanova 19, RU-117036 Moskwa, drkulakov@mail.ru.

W(olągiewicz) XVIIIВ – горшки биконической формы, имевшие по три налепа на ребре, плоские миски типа RW XI (Кулаков В.И., 2003а, рис. 105, с. 299). В целом керамика с многочастными ручками и налепами датировалась в юго-восточной Балтии в пределах III-II вв. до н.э. – V в. н.э.

В 2010 г. в Воронежском университете Л.А. Ефремовым была защищена диссертация по теме «Прусская керамика V-XIII вв.». В своём автореферате диссертант справедливо отметил культовое значение керамики из прусских погребений и датировал имеющиеся на её некоторых формах «шишковидные налепы» временем не позднее VIII в. (Ефремов Л.А., 2010, с. 14, 15).

Такова весьма краткая история изучения налепов на погребальных сосудах – уникального признака массового керамического материала населения Янтарного края римского времени. Правда, более пристальное рассмотрение погребальной керамики Балтии и соседствующих с ней регионов позволяет убедиться в том, что традиция изготовления группы из трёх налепов на керамике эстиев не так уж уникальна для нашего континента.

Древнейшими для «варварской» Европы сосудами с налепами являются биконические (или сферо-конические) лощёные сосуды поморской культуры (эпоха средней бронзы). Налепы у венчиков «лицевых» урн имитируют нос и уши некоего персонажа (облик предка?), причём в «ушах» имеются 2-3 отверстия, в которые вставлены бронзовые кольца с янтарными бусинами (Petersen E., 1940, Taf. 378,4). Тогда же на урнах в ареале поморских древностей (к юго-западу от Самбии) появляются полосы пролощённого орнамента, составленные из горизонтальных линий и косых насечек.

Представляют интерес миски эпохи поздней бронзы, обнаруженные на поселениях в окрестностях г. Люнебург (Люнебургская пустошь, федеральная земля Niedersachsen). Эти сосуды были предназначены как для горячей пищи (четыре конических выступа на венчике позволяли брать в руки сосуд, не обжигаясь), так и для накрывания больших сосудов для хранения пищи и пищевых продуктов (Heske I., 2002, S. 112).

На поздней фазе развития латенской культуры у кельтских племён, населявших верховья р. Эльба, получают распространение урны крупных размеров, снабжённые для удобства их переноски тремя ушками на плечике (Bürk B., 1995, S. 218, Abb. 13).

На ранней фазе эпохи римского влияния урны группы RW III снабжаются по плечiku одним или тремя вертикально расположенными выступами. На фазах В₂ и В₂/С₁ носители вельбарской культуры, передвигаясь в лесостепную зону Восточной Европы, распространяют такие сосуды в Посеймье (Щукин М.Б., 2002, с. 202). Функция упомянутых выступов – предохранить руки человека от контакта с горячими стенками сосуда, нагретымися благодаря высыпанию с погребального костра в сосуд кальцинированных костей, сохранивших весьма высокую, в несколько сотен градусов, температуру.

В черняховской культуре известны цилиндрико-конические круговые вазы с тремя ручками или Х-образными «псевдоушками» на вертикальной поверх-

ности под венчиком. В погребениях они являются вместилищами для ритуальных кубков, на поселении Лепесовка такие вазы были принесены в жертву при создании культового очага (Симонович Э.А., 1993, с. 141-142). Вслед за Б.В. Магомедовым М.Б. Щукин нашёл аналогии для таких трёхручных сосудов среди лепных форм пшеворской керамики (Щукин М.Б., 1999, с. 75), где они характерны для фазы В_{2а} (Olędzki M., 2004, fig. 3,13). Эти сосуды, на плечиках которых между тремя ручками помещены три различных декоративных пояса, были распространены в римское время в виде урн в среднем и верхнем течении р. Висла (Andrzejowski J., 1995-1998, гус. 22). Данный вид культовой посуды был настолько популярен в «варварском» мире, что даже на фазе В₂/C₁ появились несколько редчайших провинциально-римских реплик в виде бронзовых котлов с тремя ушками, к которым были привешены кольца. Под ушками котла из погр. 430 могильника Czarnówko, woj. łęborskie Polski располагались три маски германцев-«свевов» (Mączyńska M., Rudnicka D., 2004, 407-413), подчёркивая нетривиальный (культовый ?) характер данного сосуда. Видимо, таким котлам подражали черняховские вазы с кольцами. Изготовленные из глины и не имеющие практического значения, они явно были вторичны относительно своих металлических прототипов.

Кольца на трёх ушках черняховских чаш и три кольцевидные ручки у кувшинов позднеримского времени из Нижнего Подунавья (Vagalinski L., 1999, Abb. 7,1) предназначены для подвешивания сосуда на ремнях/верёвках, что упрощало его транспортировку. Косвенно эта функция ушек подтверждается их расположением непосредственно под венчиком. Благодаря этому сосуд предохранялся от опрокидывания.

В горной части Крыма (склон Долгоруковской яйлы) на черняховском могильнике III-IV вв. н.э. Дружное выявлены горшки вар. Власов 1.1В с расположенными на плечике сосуда горизонтально налечами (Власов В.П., 1999, с. 331). По четыре таких налеча представлены на круговом горшке типа Krausengefäß из горна на поселении 54 Sanok, woj. podkarpackie Polski, датируемом фазой C_{1а} (Madyda-Legutko R., Pohorska-Kleja E., Rodzińska-Nowak J., 2008, s. 17, рис. 4,1). Данные налечи предназначены для подхватывания в четыре руки тяжёлой вместимости с сыпучими продуктами (зерно, мука). Традиция изготовления таких деталей крупных сосудов для хранения продуктов известна у западных германцев на поздней фазе латенской культуры (ок. 10 г. до н.э. – 20 г. н.э.) (Cordie-Hackenberg R., Wigg A., 1998, Abb. 4). Одиночные налечи, располагавшиеся на погребальной керамике между венчиком и плечиком горшка, характерны для вельбарской культуры на фазе C₂ (Tomaszewska I., 1988, s. 108). Такие налечи вертикальной формы (практически – ручка без отверстия) предназначались для транспортировки сосуда одной рукой на незначительные расстояния.

Иную функцию имели налечи (по 3-5 штук на линии максимального расширения тулова сосуда) на кувшинах в погребальных комплексах западно-

аланской группировки V-VI вв. н.э., располагавшейся на Северо-Западной Кавказе (Казанский М.М., Мاستыкова А.В., 2001, рис. 6, 7, 8). Судя по наличию у этих кувшинов «нормальных» ручек, упомянутые налесты не обладали функциональным предназначением.

Троичность ручек на сосудах известна в древностях Бранденбурга и Мекленбурга на фазе C₁. Ручки с кнопками в своей верхней части (явно предназначены для фиксации больших пальцев рук) на погребальных сосудах (в том числе – содержащих кальцинированные кости) стиля Dahlhausen в восточной части бассейна р. Эльба крепились под самым венчиком. Несмотря на то, что такая керамика не была встречена на германских святилищах (впрочем – и на поселениях тоже), нельзя отрицать её культовое значение (Hegewisch M., 2000, S. 551). К V в. н.э. в указанном регионе троичные ручки на погребальной керамике сменяются троичными коническими налестами под венчиком (местоположение, идентичное «кнопкообразным» ручкам) на грубых кухонных сосудах типа Kumpf, обломки которых встречены в культурных напластованиях поселений (Leube A., 1995, Abb. 14a; 35,62). Если ручки с кнопками на погребальных сосудах предназначались для человеческих рук, то массивные конические налесты на кухонных горшках эпохи Великого переселения народов, изготовленных для готовки пищи на очаге, явно были приготовлены для извлечения из огня при помощи приспособлений типа ухватов.

Дальнейшее развитие принципов троичности ручек и налестов у погребальных сосудов связана с миграцией части северной части бассейна р. Эльба или северо-западной Германии на территорию совр. северной Моравии. Этот процесс произошёл в сер. III в. н.э. (фаза C₁) и совпал с миграцией части восточных германцев в вельбарском ареале (Tejral J., 1999, s. 200, Abb. 47). Для северо-моравского региона миграция была маркирована появлением широкогорлых погребальных сосудов с тремя ушками, быстро превратившимися в вертикальные налесты (рис. 1). В отличие от сосудов стиля Dahlhausen, ушки и налесты крепились здесь на ребре сосуда, прерывая пролощённый орнамент. Как и в случае с сосудах стиля Dahlhausen, выступы на северо-моравских сосудах были призваны облегчить перенос этих вместилищ на незначительное расстояние. Тем же целям служили и три округлых плоских выступа, прерывавших орнамент на плечике сосудов-приставок на могильниках перехода от фазы C₂ к фазе C₃ (D₁) на северном Ютланде (Quast D., 2004, S. 377, Abb. 3,7) (рис. 2). В вельбарской культуре на биконических сосудах-приставках типа RW XVII также на ребре сосуда присутствуют выступы (Обломский А.М., 1999, рис. 3, 1), числом три и более (Kokowski A., 1993, рис. 48,3,5).

Итак, керамические материалы разной культурно-этнической принадлежности IV в. до н.э. – V в. н.э. из Центральной и Восточной Европы указывают на то, что округлые ручки, ушки и выступы сферо-конической формы, представленные на сосудах под венчиком или на их ребре в количестве три

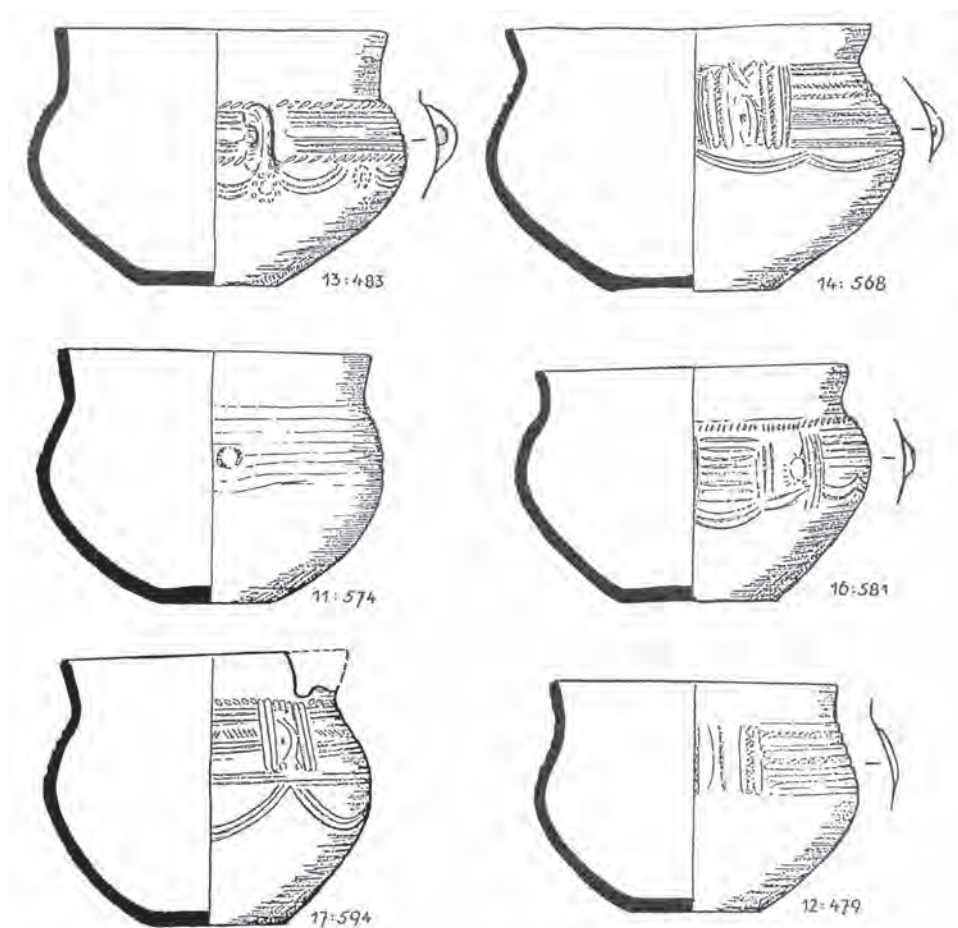

Рис. 1. Керамические сосуды горизонта А (II-III вв. н.э.) грунтового могильника Pritzler, Morava, Česká Republika (по: Tejral J., 1999, S. 200, Abb. 47)

или более экземпляров выполняли сугубо утилитарную функцию. Они служили для предохранения человеческих рук от контакта с нагретой поверхностью сосуда, или помещённой внутрь его горячей пищей (кухонные горшки), или пеплом и кальцинированными костями, перемещёнными в сосуд с погребального костра (урна). При рассмотрении керамического материала из могильников культуры западнобалтийских курганов выясняется, что урны биконической формы, нередко накрываемые плоскими мисками, в раннем железном веке распространённые в ареале упомянутой культуры в юго-восточной Балтии, также имели ушки (Okulicz Ł., 1970, tab. XV,17). Правда, большее распространение в погребальном инвентаре западнобалтийских курганов име-

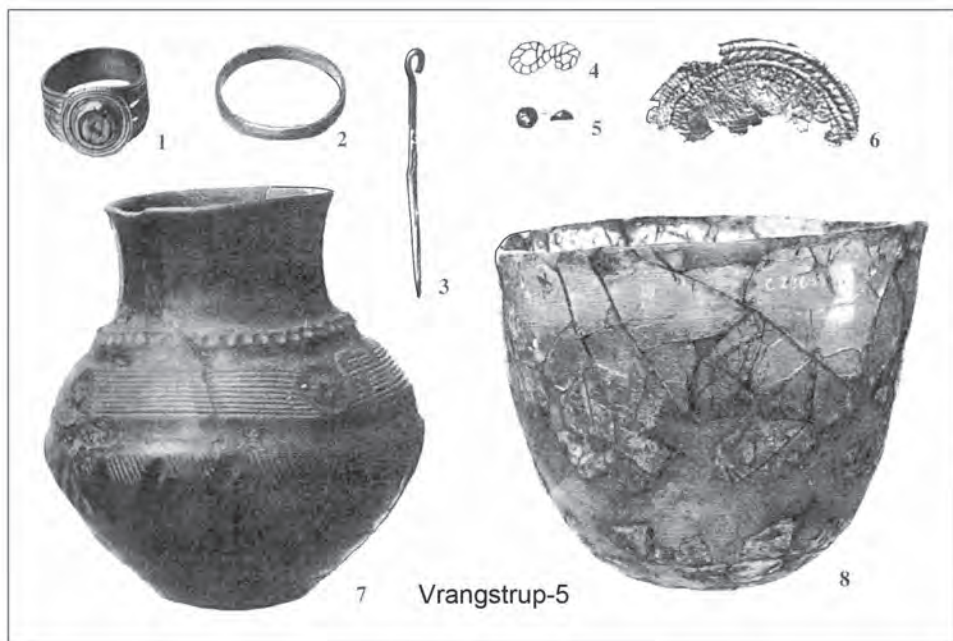

Рис. 2. Комплекс находок из погр. 5 грунтового могильника Vrangstrup (Danemark) (по: Quast D., 2004, Abb. 3)

ли биконические лощёные кувшины с двухчастными ручками. Они характерны для финальной (IV) фазы развития этой культуры, датируемой временем ок. I в. до н.э. – I в. н.э. (Okulicz Ł., 1970, s. 105, 106).

Для выяснения динамики развития сосудов с налепами в центре ареала эстиев – на полуострове Самбия (ныне – Калининградский п-ов) выбран грунтовой могильник Lauth/Б. Исаково (Kr. Königsberg, ранее – Гурьевский р-н, ныне – восточная окраина г. Калининграда). Могильник расположен на юго-восточной части мощной моренной возвышенности, являющейся первой надпойменной террасой правого берега р. Гурьевки, в центре посёлка, в районе ул. Садов (рис. 3). Первая информация о находящемся здесь грунтовом могильнике относится к 1888 г., когда обнаруженные на его территории раннесредневековые железные находки были переданы в Общество «Пруссия» (von Carnap-Bornheim C., Hilberg V., 2007, S. 114). Первые раскопки велись на могильнике в 1929 и 1930 гг. Карлом Энгелем, тогда же им были сделаны первые находки погребальных сосудов (рис. 4). Было установлено, что южную часть могильника занимают могилы, совершенные по обряду кремации (урновые и безурновые), относящиеся к эпохе римского влияния (период C) – ранние и эпохе Великого переселения народов (период D) – позд-

Рис. 3. План грунтового могильника Lauth/Б. Исаково (по: Кулаков В.И., Скворцов К.Н., 2006, рис. 1)

Рис. 4. Вид погребений I в. н.э., раскопанных на могильнике Lauth/Б. Исаково Карлом Энгелем в 1930 г. (по: Prussia-Museum Studien-Sammlung, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin, Reg. Nr.: PM-A1910, Bd. 1, S. 35)

ние, отнесенные К. Энгелем к средневековью (периоды F – H) (Bachor P., 1930, S. 160, 161).

В 1991 г. местный житель А.В. Захаров при рытье на территории могильника котлована для фундамента под дом обнаружил два трупосожжения (Кулаков В.И., Скворцов К.Н., 2000 С. 40-52). По поступившей от него в Калининградский историко-художественный музей информации первые в послевоенное время на могильнике раскопки провёл В.С. Суворов (1992 г.) под Открытый лист Г.Н. Пронина. Судьба полевого отчёта и находок этого полевого сезона не ясна. В 1998, 1999, 2000, 2002-2005 гг. раскопки на могильнике Lauth/Б. Исаково проводил К.Н. Скворцов. Им было раскопано не

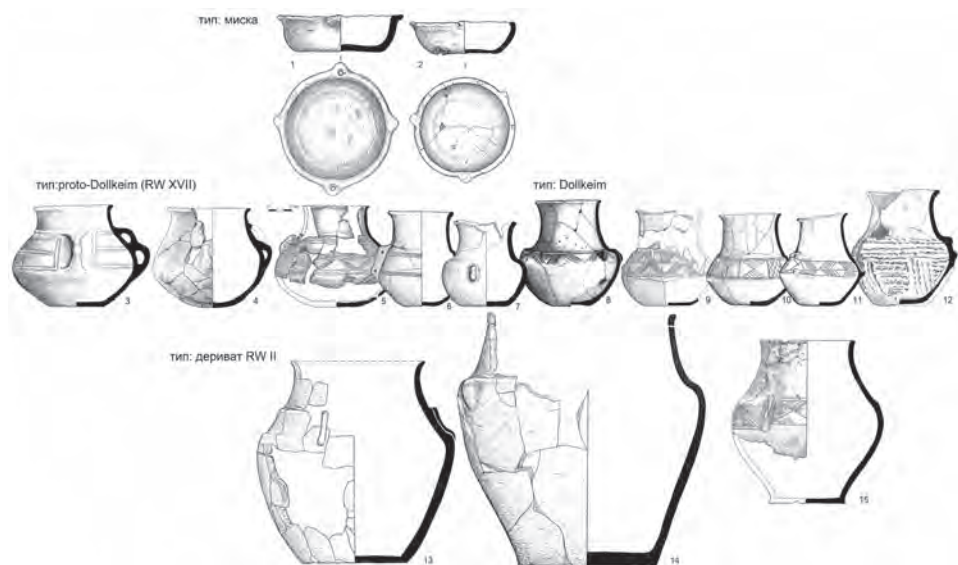

Рис. 5. Сводная таблица (1) сосудов с налечами из погребений могильника Lauth/Б. Исаково: 1 – погр. L-11A, 2 – погр. L-11C, 3 – погр. L-195, 4 – погр. L-233, 5 – погр. L-4, 6 – погр. L-262, 7 – погр. L-47, 8 – погр. L-155, 9 – погр. L-55, 10 – погр. L-25, 11 – погр. L-28, 12 – погр. L-197, 13 – погр. L-37, 14 – погр. L-57, 15 – погр. L-223

менее 262 трупосожжений и трупоположений I-VI вв. н.э. В 2003 г. раскопки на могильнике финансировались в соответствии с грантом РГНФ № 03-01-18087е (Кулаков В.И., Скворцов К.Н., 2006, с. 58), в раскопках участвовал автор этих строк. После завершения раскопок по договорённости с К.Н. Скворцовым я подготовил с использованием его полевых дневников публикацию раскопок на могильнике Lauth/Б. Исаково 1998 и 1999 гг. К сожалению, К.Н. Скворцов нашу договорённости нарушил и опубликовал мой текст в Германии под своей фамилией (Skworzov K., 2007, S. 111-219). Опираясь на эту публикацию, основанную, в свою очередь, на моём тексте, а также на полевые отчёты, хранящиеся в Архиве Института археологии РАН, мною составлен Каталог погребений могильника Lauth/Б. Исаково, содержащих сосуды с налечами или со специфическими ручками (см. Приложение).

Собранные в этом каталоге данные о 24 сосудах с налечами позволяет определить их типы.

Миски с четырьмя и тремя выступами по венчику представлены двумя экземплярами. Миска из погр. L-11A (рис. 5,1) накрывает сосуд, в котором лежат три фибулы. Миска из погр. L-11C (рис. 5,2) накрывала сосуд с остатками ритуальной пищи. Таким образом, эти миски служили в III в. н.э. на

Самбии такими же крышками для других сосудов, как и в эпоху поздней бронзы в Люнебургской пустоши (см. выше). Заслуживает внимания факт временного hiatus в 500 лет между временем использования этих мисок в ареалах западных германцев и западных балтов. В любом случае, такая форма сосудов не характерна для керамического производства автохтонов Балтии и является «импортом» с запада Европы.

Тип proto-Dollkeim (RW XVII) представлен в нашем каталоге сосудами из погр. L-195 и L-233. Восходящие к формам урн культуры западнобалтийских курганов раннего железного века, эти сосуды (рис. 5,3,4) – одно из немногих свидетельств преемственности местных древностей раннего железного века и самбийско-натангийской группы. По данным, добытым при раскопках могильника Dollkeim/Коврово, сосуды типа proto-Dollkeim (аналогичный тип RW XVII с одночастной ручкой датируется в вельбарской культуре фазами B₂-B₂/C₁ – Wola g i e w i c z R., 1987, рис. 9) относятся к началу нашей эры (Кулаков В.И., 2003, рис. 120). Правда, в отличие от керамики раннего железного века, сосуды типа proto-Dollkeim содержат уже не кальцинированные кости погребённого, а заупокойные дары (Кулаков В.И., 2003, с. 63). Сопутствующий такому сосуду материал погр. L-233 позволяет датировать тип proto-Dollkeim фазой B₁ (см. ниже). Название «proto-Dollkeim» этот тип обрёл от термина «тип Dollkeim» (по В. Новаковскому) (Кулаков В.И., 2003, с. 65), генетически предшествуя ему. Если сосуд-приставка типа proto-Dollkeim обладает сфероидным туловом и двухчастной ручкой, то производный от него горшок типа Dollkeim, сохраняя указанную форму, уже лишён ручки. Правда, «промежуточные» формы сосудов ещё сохраняют рудименты одинарных двухчастных ручек в виде вертикального, стоящего на ребре налепа, изредка – с двумя отверстиями (рис. 5,5-7). Однако основной массив сосудов-приставок **типа Dollkeim**, характерных для самбийских могильников фаз C₁-D₂ (Кулаков В.И., 2003, с. 65), имеют лишь по три парных (в виде двух возвышений, поставленных по вертикали поперёк орнаментальной полосы на ребре сосуда) налёпов (рис. 5,8-12). Таким образом, сосуд типа Dollkeim восходит к местным урновым формам культуры западнобалтийских курганов, а также находит аналогии в германских древностях Ютланда (рис. 2) фаз C_{1b}-C₂ (Кулаков В.И., 2003, с. 281). При этом троичность налёпов, не находя прототипов в местных керамических традициях I тысячелетия до н.э., явно имеет древнегерманские корни (см. выше). Восходя к традиции транспортирования сосуда при помощи прикреплённых к трём ушкам верёвки/ремня, эти налёпы технологически могли служить лишь для предохранения человеческих рук от высокотемпературного содержимого сосудов или просто для удобства транспортировки при фиксированных точках соприкосновения с сосудом (как правило – лощёным, обладающей скользкой поверхностью). В нашем случае этим содержимым были ритуальные еда или питьё. При налицивающих на сосудах типа Dollkeim двойных (спаренных) налёпов (они разделили окружность периметра сосуда на сектора по 120° каждый) удобнее всего между ними по-

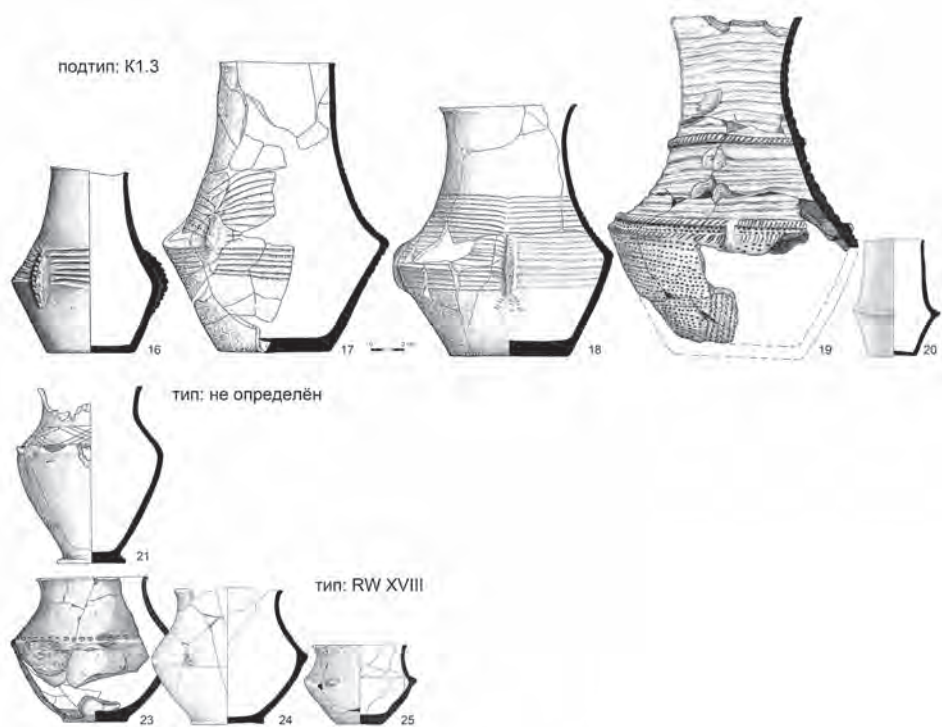

Рис. 6. Сводная таблица (2) сосудов с налечами из погребений могильника Lauth/Б. Исаково: 16 – погр. L-15, 17 – погр. L-35, 18 – погр. L-52, 19 – погр. L-187, 20 – погр. L-253, 21 – погр. L-12, 22 – погр. L-14, 23 – погр. L-27, 24 – погр. L-24

мещать указательные и большие пальцы обеих рук и так, держа сосуд четырьмя пальцами, переносить его на не слишком большие расстояния.

Тип RW II (точнее – близкий ему) представлен в нашем массиве двумя урнами (рис. 5,13, 14). На вельбарских могильниках эти урны, имеющие по паре U-образных ручек, характерны для фаз B₂-C₁ (Wolagiewicz R., 1987, гус. 6). В материале могильника Lauth/Б. Исаково такие сосуды относятся по комплексам к II-IV вв. н.э. Промежуточную позицию между типами Dollkeim и RW II занимает биконическая урна из погр. L-223 (рис. 5,15). Очевидно, значительную роль при создании местных версий урн типа RW II с тремя (?) одиночными налечами, предназначенными для фиксации рук или верёвки под ребром сосуда, сыграли западногерманские керамические традиции.

Подтип K1.3 (Кулаков В.И., 2003, рис. 129), являющийся генетически связанным с более ранним типом Dollkeim, является одним из самых распространённых в керамическом материале ранней фазы прусской культуры. Относящиеся к нему сосуды, служившие для переноса кальцинированных ко-

стей с погребального костра в могилу (такие «временные урны» часто находятся рядом с кучками костей в прусских могилах V-VI вв., иногда в сосудах сохраняются несколько мелких обломков костей), характеризуются биконической формой. Наибольшее расширение ширины сосуда приходится на нижнюю треть его высоты. Из-за некачественной просушки готовой керамической формы перед обжигом верхняя часть сосуда «проседает». Как правило, на ребре сосуда имеются по три вертикальных палочковидных налепа, нередко – с рифлёной поверхностью (рис. 6,16). Примечателен факт рифления и даже орнаментации поверхности ручек у сосудов стиля Dahlhausen на фазе C₁ у жителей бассейна р. Эльбы (Hegewisch M., 2000, Abb. 3). Представленная на этих ручках фигура «ёлочка» фигурирует и в орнаментальных композициях Самбии и Мазурского Поозерья в V-VI вв. н.э. Как и более ранние сосуды типа Dollkeim, биконические «временные урны» имеют скандинавские прототипы III-V вв. (Кулаков В.И., 2003, с. 281). Не только налепы служат для облегчения «подхватывания» сосуда с горячим содержимым. Остатки погребального костра и кальцинированные кости действительно долго сохраняют высокую температуру, поэтому для транспортировки сосудов могли использовать, кроме налепов вертикальных налепы горизонтальные, ленточные, которые изредка опоясывали сосуд (рис. 6,19). Такой же признак иногда выступает и у урн типа Grebieten V в. н.э. (Кулаков В.И., Тюрин Е.А., 2005, рис. 7). Налепы на сосудах K1.3 не встречаются позже нач. VI в., поэтому приведённое выше мнение Л.А. Ефремова о поздней датировке сосудов с налепами в прусской культуре можно считать ошибочным.

Ещё один биконический сосуд, имеющийся в нашем каталоге, тип которого неопределим (рис. 6,21), обладает минимум одним коническим налепом под орнаментальным поясом, составленным из «косых крестов».

Наконец, последними в каталоге являются биконические сосуды **типа RW XVIII**, распространённые в вельбарской культуре на фазах C_{1b}-D (Wołagiewicz R., 1987, гус. 9). Сосуды имеют биконическую форму, ребро расположено на середине высоты керамической формы. В прусской культуре эти сосуды, являющиеся приставками, обретают по три одиночных налепа, расположенных горизонтально на ребре сосуда. Как и сосуды подтипа K1.3, сосуды типа RW XVIII служат на самбийских могильниках «временными урнами». Поэтому наличие на них налепов, как приспособлений для облегчения транспортировки сосудов, вполне уместно.

Рассмотрение сосудов с налепами на примере репрезентативной выборки керамического материала из могильника показывает две тенденции развития указанного феномена в погребальной керамике Янтарного берега. С одной стороны, в начале нашей эры развивается традиция изготовления местных сосудов с двухчастной ручкой, существующая на Самбии с начала раннего железного века. Правда, в I-II вв. н.э. появившиеся на почве этой традиции вертикальные одиночные налепы с двумя поперечными отверстиями сменяются на сосудах типа Dollkeim тремя парными налепами. Эта троичность

Рис. 7. Инвентарь погр. L-4 (по: Skorsov K., 2007, Taf. 4)

(а не сама идея двойных налепов, балтская по происхождению) является результатом (как и миска с налпами по венчику) влияния групп древнегерманского населения, проникших на исходе Маркоманнских войн на Самбию (Кулаков В.И., 2003, с. 242-247).

Германское влияние на погребальную керамику могильника Lauth/Б. Исаково и, соответственно, остальных могильников Самбии, реализовалось в трюичности одинарных налепов на сосуда-приставках и в характерных признаках самих сосудов, прекрасно сопоставимых с типами вельбарской керамики, вы-

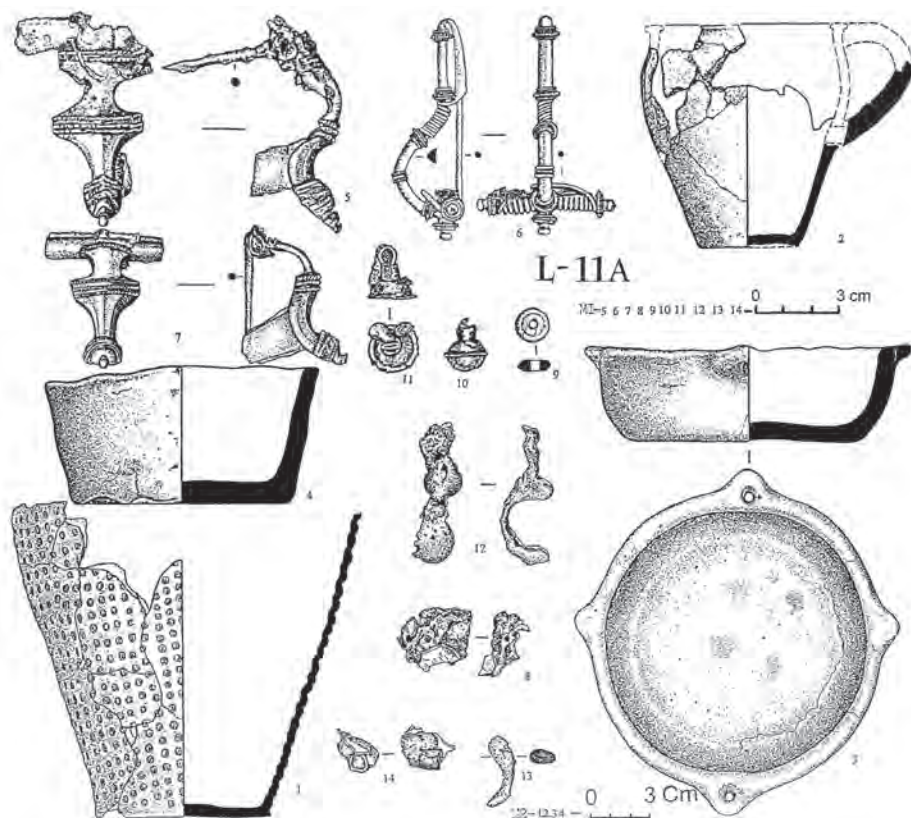

Рис. 8. Инвентарь погр. L-11A (по: Skorsov K., 2007, Taf. 10, 11)

деленными Рышардом Волангевичем. Картирование видов выступов на сосудах свидетельствует о распространении в эпоху римского влияния традиционных для балтов двойных налепов по западной части полуострова Самбия (прародина культуры западнобалтийских курганов), а одинарные налепы, прямо восходящие к древнегерманской традиции, размещены на правобережье р. Пасленка, общепризнанной границы между ареалами вельбарской и самбийско-натангйской культур, и в центральной Самбии (рис. 10). Иными словами, сосуды с одинарными налепами чётко маркируют проникновение германских керамических традиций (разумеется, вместе с группами их носителей) на Самбию. Очевидно, что германскими пришельцами, привлечёнными сюда перспективой участия в добыче янтаря и в янтарной торговле, были не только жители Ютланда (Кулаков В.И., 2004, с. 105), прибывшие по морю (?), но и часть соседей – носителей вельбарской культуры.

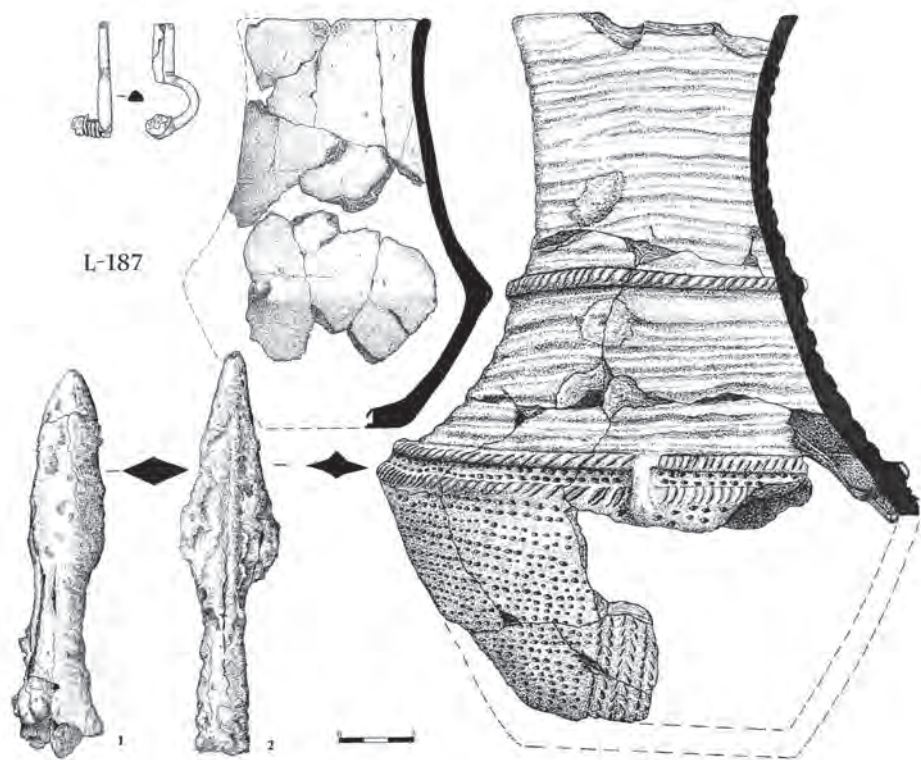

Рис. 9. Инвентарь погр. L-187 (по: Архив ИА РАН, Скворцов К.Н., 2003, № 25796)

Приложение

Каталог погребений могильника Lauth/Б. Исаково, содержащих сосуды с налпами или со специфическими ручками

В каталоге погребения представлены в хронологическом порядке.

Погр. L-233 – труположение (далее – ИНГ), сопровождается сосудом с двухчастной ручкой, в районе плеч погребённой – фибулы типов АП,42 и АУ,155, на запястье – браслет со «змеевидной головкой» подтипа 1 (Кулаков В.И., 2003а, с. 279), две обоймицы с крючком от пояса местного происхождения и «ладьевидные» накладки к поясу, бусины, нож (Архив ИА РАН, Р. 1. Скворцов К.Н., 2005). Дата по фибулам – фаза В₁ (здесь и ниже датировки даются по данным могильника Dollkeim/Коврово – Кулаков В.И., 2003а, рис. 121).

Погр. L-195 – ИНГ, костяк (истлел) теменем ориентирован на север, у костяка – сосуды-приставки, в том числе – два сосуда типа Wiekau с одност-

Рис. 10. Распространение сосудов с налепами в юго-восточной Балтии в эпоху римского влияния (по: Nowakowski W., 1996, Karte 10 с добавлениями автора). Сосуды с двойными налепами обнаружены на могильниках: Wackern/Елановка, Dollkeim/Коврово, Greibau, Pollwitten/Ровное, Lauth/Б. Исаково, Hünenberg/Гора Великанов, Eisellbieten/Сиренево, Cornieten/Люблино, Skardelies Wald/«Алейка-3», Althof/Черняховск, Norkitten/Междуречье, Detlevsruh. Сосуды с одинарным налепом обнаружены на могильниках: Wackern/Елановка, Dollkeim/Коврово, Stantau/Митино, Pollwitten/Ровное, Wogau/Лермонтово, Trompau/Лазовское, Hünenberg/Гора Великанов, Lauth/Б. Исаково.

ной и двухчастной ручками. На плечах погребённой – пара бронзовых фибул типа AIV,93, глазчатая фибула типа AIII,60, фрагмент провинциально-римской фибулы с красной эмалью, на поясе – бронзовая пряжка с неподвижной рамкой и прямоугольной обоймицей местного происхождения, на запястьях – пара бронзовых браслетов со «змеевидной головкой» подтипа 1 (Архив ИА РАН, Скворцов К.Н., № 25796). Дата по фибулам – переход от фазы В₁ к фазе В₂.

Погр. L-262 – ИНГ, сопровождаемое сосудом типа Dollkeim (Кулаков В.И., 2003а, с. 281) с вертикальным налепом на плечике, имитирующим двухчастную ручку, на плечах погребённой – пара бронзовых фибул типа AIV,93, на поясе – остатки пояса с крючком и обоймицей, декорированной в стиле *Opus interrasile* (местное подражание паннонским поясам), с ладьевидными накладками, у шеи – S-видная застёжка ожерелья, на запястье – браслет со «змеевидной головкой» подтипа 1, костяная булавка (заколка ?) с фигурным навершием, сосуд-приставка (Архив ИА РАН, Скворцов К.Н., 2005). Дата по фибулам – переход от фазы В₁ к фазе В₂.

Погр. L-4 – урновая КРМ (кремация), к северо-западу от которой находился сосуд-приставка типа Dollkeim с налепом, имитирующим двухчастную ручку (рис. 7). В раздавленной урне на кальцинированных костях обнаружены обожжённые бронзовая фибула с напаянными серебряными пластинами типа AV,133, наконечник копья, наконечник дротика, боевой нож с оттисками штампа у тыльной стороны лезвия, обломки лепных сосудов (Skvortzov K., 2007, S. 117). Дата по фибуле – В₂/С₁ = 150 – 200 гг. н.э. (Okulicz J., 1973, S. 393, 394, rys. 183(f)).

L-11С (часть коллективного захоронения) – КРМ с группой из 3 сосудов. Один из них – миска лепная со следами вторичного обжига, по венчику снабжена четырьмя горизонтальными налепами находилась в погребении вверх дном, накрывала другую миску. По краю сосуд снабжён тремя горизонтальными налепами. Внутри миски было обнаружено незначительное количество мелких кальцинированных костей (возможно остатки заупокойной пищи(?)). К мискам примыкал миниатюрный лепной сосуд с вертикальным налепом. Юго-восточнее группы сосудов было выявлено овальное в плане скопление кальцинированных костей средних и мелких размеров. В нём: нож, обожжённая бронзовая фибула типа AVI,168. У южной окраины скопления костей находился сосуд типа Wiekau и шайбовидная янтарная бусина (Skvortzov K., 2007, S. 122). Дата по фибуле 200-275 гг. Западнее погр L-11С располагалось.

Погр. L-11А – урновая КРМ. В урне – лепная миска с четырьмя выступами по венчику, перекрывающая банкообразный сосуд, в которой находились три бронзовых обожжённые фибулы, из них две – различные по величине, относящиеся к разряду “мазурских фибул” – западнобалтских дериватов застёжек AV,98. На могильниках территории бывш. Восточной Пруссии такие дериваты датируются фазами С₁-С₂ = ок. 220-325 гг. н. э. (Nowakowski W.,

1996, s. 57). Третья фибула – тип A,VI 167. В урне под упомянутыми выше сосудами – кальцинированные кости средних и крупных размеров, занимавшие половину урны. Среди костей: одна фрагментированная с прикипевшей к ушку оплавленной пастовой бусины и одна целая бубенчиковидные железные подвески; янтарная биконическая бусина, оплавленные одна или две красные пастовые бусины, оплавленная многоцветная бусина с прикипевшими кальцинированными костями; оплавков бело-бирюзово-красной мозаичной бусины с прикипевшей к ней бронзовой ведерковидной подвеской, оплавков ошлакованной зелено-голубой бусины. У дна урны – фрагмент печины и мелкий фрагмент стенки сосуда (рис. 8) (Skvortzov K., 2007, S. 121). По фибулам данное погребение датируется серединой III – началом IV вв. н.э.

Погр. L-37 – урновая КРМ, урна – с тремя налечами по ребру. В урне: серебряная и бронзовая арбалетовидные фибулы – дериваты типа AVI, 167, бронзовая римская монета, втульчатый наконечник стрелы (?), нож с четырьмя бронзовыми заклёпками (от ножен ?), оселок, железный бубенчик, бронзовый пластинчатый перстень. В могиле – остатки сосуда-приставки (Skvortzov K., 2007, S. 131). Погр. L-37 содержит останки женщины и датируется III в. н.э.

Погр. L-55 – урновая КРМ. В могиле: боевой нож, ритуально согнутый. Нижнюю часть, около половины объема урны занимали кальцинированные кости, причём кости черепа и зубов располагались сверху. На них: сосуд-приставка с парой налечей, бронзовая арбалетовидная подвижная фибула типа AVI,167, посоховидная железная булава с остатками ткани на навершии, фрагмент бронзового кольца, бронзовый сестерций Антонина Пия (138-161 гг. н.э.) (Skvortzov K., 2007, S. 128). Погребение L-55, судя по набору инвентаря, содержит останки мужчины-воина и датируется по фибуле кон. III – нач. IV вв. н.э.

Погр. L-155 – урновая КРМ. В урне – сосуд-приставка с тремя налечами, умбон щита типа Zielsing L (Радюш О.А., Скворцов К.Н., 2008, с. 136), рукоять щита, боевой нож, бронзовая арбалетовидная фибула типа AVI.164 (A2) (фазы C_{1b}-C₂ – Кулаков В.И., 2005а, с. 124), обломки арбалетовидной фибулы с подвижной ножкой и фигурно изогнутой тетивой, железная пряжка, бронзовое спиральное кольцо, железный пинцет, оселок (Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., 2002 г., № 25795).. Дата этой могилы воина – фазы C_{1b}-C₂ (250-300 гг. н.э.).

Погр. L-28 – урновая КРМ. В нижней части тулова урны, с внешней стороны имелись следы четырех отпечатков браслета, оставленных в процессе изготовления урны. В могиле: железное втульчатое долото, железный втульчатый топор, сосуд-приставка с тремя парами налечей. В урне: янтарная бусина, наконечник копья типа Казакивичюс IVA острием вниз, датируемый на территории Литвы II-IV вв. н.э. (Казакивичюс В., 1988, с. 42). По центру урны: деформированный железный умбон щита раннего варианта типа Malaeszt/Zielsing 13, в древностях Восточной Европы и Скандинавии датирую-

щегося фазами C_3 - D_1 = 310-410 гг. н.э. (Kazanski M., 1994, p. 443), U-образно согнутый железный серп, U-образно согнутый боевой нож, фрагмент бронзовой арбалетовидной фибулы – дериват типа AVI,167, оплавленный сестерций с отверстием, сланцевый оселок. Под умбоном было найдено железное кресало с железным кольцом и обоймицей, рядом – железный ложковидный наконечник ремня группы Raddatz J.III (Raddatz K., 1957, Abb. 2 – фазы B_{2b} - C_{1a}) бронзовая арбалетовидная подвязная фибула, близкая типу AVI,168 (Skvorzov K., 2007, S. 130). Погребение L-28, судя по погребальному инвентарю, содержит останки мужчины-воина и по умбону и фибулам датируется фазой C_2 = 275-325 гг. н.э.

Погр. L-47 – КРМ в виде скопления кальцинированных костей с лепным сосудом-приставкой, снабжённым одним вертикальным налепом с двумя отростками. Рядом – коса, рукоять которой была частично перекрыта острием наконечника копья подтипа Казакивичюс IA (Казакивичюс В. 1988, с. 22-24 – III в.), кусок янтаря (Skvorzov K., 2007, S. 139). По всей видимости, погребение содержит останки воина-общинника и датируется по наконечнику копья III в. н.э.

Погр. L-25 – КРМ со скоплением кальцинированных костей. В могиле обнаружены фрагмент кольца бронзового, дериват провинциально-римских фибул с “луковичными навершиями”, янтарная бусина шайбовидной формы, сосуд с парой налепов, наконечник копья иволистной формы типа Казакивичюс V, над ним – боевой нож, большая железная пряжка – прототип пряжек типа Madyda-Legutko H35, сильно обожженный спиральный бронзовый перстень, фрагменты бронзовой фибулы типа Bitner-Wróblewska II (Кулаков В.И., 1998, рис. 6), янтарная шайбовидная бусина, фрагмент бронзового пинцета, сосуд баночной формы, в нём – кальцинированные кости средних размеров и бронзовое цилиндрическое окончание ременной портупей. Восточнее этого сосуда – бронзовая пружина фибулы. Данное погребение, содержащее останки мужчины-воина, датируется фазой C_{3b} (C_2/D_1) = ок. 360 – 400 гг. (Кулаков В., 2006, с. 71).

Погр. L-255 – КРМ с обломками пары бронзовых арбалетовидных фибул типа Grosse ABF (Å3), датируемый ок. 375 г. (Кулаков В.И., 2005а, с. 124), фрагментом спирального кольца, железной пряжкой, глиняным пряслицем, миниатюрным сосудом-приставкой с двойным налепом, фрагментом стенки такого же (?) сосуда (Архив ИА РАН, Р. 1. Скворцов К.Н., 2005). Погр. L-255 содержит останки женщины и датируется по фибулам временем ок. 375 г. н.э.

Погр. L-12 – КРМ в виде двух скоплений кальцинированных костей. В западном скоплении кальцинированных костей: железная арбалетовидная подвязная фибула типа AVI, 158 (ок. 250-400-е гг. – Godłowski, 1994, s. 487), фибула железная подвязная с тордированной тетивой, фрагмент пружины миниатюрной бронзовой фибулы с шайбовидным окончанием, рамка железной пряжки округлой формы. С восточным скоплением костей: керамическое би-

коническое пряслице, два ножа, железный наконечник ремня формы, обожженная бронзовая подвязная фибула, между рукоятями ножей находились две железные бубенчиковидные подвески, железная пряжка. Между двумя группами костей, лежала иглой вверх железная фасетированная фибула, относящаяся к типу AVI,162, датируемая фазой $C_3 = 310/20 - 350/75$ гг. н.э. (Jørgensen L. 1989, s. 171). Южнее скопления костей и предметов располагались полукругом четыре лепных сосуда, один из них – с налепом. В одном из сосудов – обломок сильно ошлакованного керамического пряслища (Skvorzov K., 2007, S. 122, 123). Погр. L-12 содержало останки двух женщин и датируется второй пол. IV в. н.э.

Погр. L-14 – коллективное захоронение – КРМ В юго-восточной части могильной ямы находилась урна с тремя налепами по ребру, два из которых имеют по три выступа, а один – два. Аналогичные урны представлены на грунтовых могильниках о. Борнхольм поздне римского времени (Brønstedt J., 1940, p. 190, fig. 187a). В урне: железная прогнутая подвязная фибула железная крымского варианта (Амброз А.К., 1966, с. 66, табл.11, 18 – 4 в. н.э.), близкая типу AVI,162, подвеска-бубенчик железная, необожженная янтарная биконическая асимметричная бусина. Западнее урны находилось локальное скопление кальцинированных костей, среди них – нож с горбатой спинкой типа Krummesser, бусина мозаичная красно-коричневого цвета, полосы белые, зигзаги желтые, бусина пастовая черного цвета 16-тигранная. Кроме того, в могиле – развал лепного тонкостенного сосуда, с четырьмя налепами по ребру (Skvorzov K., 2007, S. 123). Дата погр. L-14, содержавшего останки двух мужчин – вторая половина IV в. н.э.

Погр. L-57 – урновая КРМ в урне с налепом. Инвентарь: бронзовая подвязная фибула третьего варианта I серии по А.К. Амброзу, датируемая в Подунавье кон. IV – нач. V вв. н.э. (Кулаков В.И., 2003б, с. 68), бронзовая спираль, янтарная бусина типа Bassonia (Архив ИА РАН, Скворцов К.Н., 2000, № 24732).

Погр. L-24 – КРМ со скоплением кальцинированных костей. Западнее скопления костей, так же на дне ямы находился лепной сосуд с тремя небольшими горизонтальными налепами по ребру. Восточнее скопления кальцинированных костей, на дне могилы найдена небольшая железная пряжка типа Madyda-Legutko H11 (Madyda-Legutko R., 1986, S. 64 – фазы C_2 -D₁) (Skvorzov K., 2007, S. 128, 129). Предварительная датировка – конец IV – начало V в.в. н.э.

Погр. L-27 – КРМ в виде скопления кальцинированных костей. В могиле – янтарная бусина, наконечник дротика, бронзовый “языковидный” наконечник ремня, железная пряжка, нож-кинжал, оплавленная бронзовая фибула типа Bitner-Wróblewska II, бронзовый пинцет, сосуд, по ребру – с тремя вертикальными налепами, содержал две кальцинированные кости небольшого размера и три небольших кусочка древесного угля (возможно – остатки тризны). С кальцинированными костями: бронзовая фибула типа Wiesbaden (400-450 гг.

– Voß H.-U., 1994, S. 507), бронзовая пряжка типа Madyda Legutko H30. В придонной части найден небольшой лепной сосуд (Skvortzov K., 2007, S. 129, 130). Погребение L-27, содержащее останки мужчины-воина, по набору своего инвентаря датируется фазой D₂.

Погр. L-223 – урновая КРМ. Инвентарь: урна с одним (?) налепом, сосуд-приставка, умбон щита типа Zielsing L (Радюш О.А., Скворцов К.Г., 2008, с. 136), наконечник копья типа Казакиявичюс V, боевой нож, железная пластинчатая шпора, октаэдральная бусина чёрного стекла, две серповидных накладки от шкатулки (?) (Архив ИА РАН, Скворцов К.Н., 2004, № 25797). Дата воинского погр. L-223 – нач. V в. н.э.

Погр. L-35 – КРМ в виде группы кальцинированных костей. В заполнении могилы – сосуд с 4-мя вертикальными налепами, выполнявший роль “временной урны” для переноса кальцинированных костей с погребального костра. Рядом, среди кальцинированных костей – 8 фрагментов печины, серебряная арбалетовидная фибула – дериват типа Duratón, бронзовая пряжка. В стороне от скопления костей – бронзовое кольцо, янтарная бусина, наконечник копья типа Казакиявичюс II (V-VII вв.), нож-кинжал фрагмент железного стержня с остатком бронзовой пружины фибулы, фрагмент железной рукояти ножа-кинжала, развал сосуда. К западу от погр. L-35, могилы воина-всадника, располагалось захоронение коня (Skvortzov K., 2007, S. 135). Комплекс датируется сер. – второй пол. V в. н.э.

Погр. L-214 – КРМ. Инвентарь: сосуд-приставка с ручкой в виде выступа, бронзовое кольцо, три пастовые бусины (Архив ИА РАН, Скворцов К.Н., 2004, № 25797). Дата погр. L-214 – IV-V вв. н.э.

Погр. L-52 – КРМ в виде скопления кальцинированных костей. В заполнении могилы – нож-кинжал, наконечник копья типа Казакиявичюс II, янтарная бусина, развал биконической лепной “временной урны” с тремя вертикальными налепами. На кальцинированных костях рядом с сосудом находилась бронзовая арбалетовидная фибула – дериват типа Duratón, бронзовая пряжка. Около скопления костей – бронзовая накладка с заклепкой. В заполнении могилы, у её борта была найдена железная накладка. К западу от L-52 располагалось конское захоронение (Skvortzov K., 2007, S. 141). Погр. L-52 содержит останки воина-всадника и датируется сер. V в. н.э.

Погр. L-187 – КРМ в виде группы кальцинированных костей под каменной кладкой. Рядом с костями – биконический сосуд («временная урна») с тремя (?) налепами на ребре, обломки второго сосуда, также биконического, с одним (?) налепом на ребре, бронзовая фибула типа Duratón, наконечник копья (Архив ИА РАН, Скворцов К.Н., 2003, № 25796). К западу от погр. L-187 – захоронение коня. Дата погр. L-187, содержащего останки всадника – сер. V в. н.э.

Погр. L-253 – КРМ в виде группы костей. Инвентарь: биконическая «временная урна» с ребром, сдавленным пальцами в трёх местах, пара бронзовых арбалетовидных фибул типа Duratón, бронзовые пряжка, два колечка. Браслет

(ритуальная гривна ?), четыре пастовые бусины и одна янтарная бусина типа *Rausckenperle*, сердоликовая (?) октаэдральная бусина, глиняное пряслице (Архив ИА РАН, Скворцов К.Н., 2005). Погр. L-253 содержит останки женщины, датируется сер. – второй пол. V в. н.э.

Погр. L –15 – КРМ с группой кальцинированных корстей. Среди костей: фрагмент височного бронзового кольца, бронзовая арбалетовидная фибула типа 1 (Кулаков В.И., 1994, с. 49). Западнее скопления кальцинированных костей находился сосуд (“временная урна”, служившая для переноса костей в могилу) с тремя налестами по ребру. Между сосудом и скоплением костей находился фрагмент стенки сосуда. У восточного края могилы были найдены кремневый отщеп, фрагмент серебряного перстня из рифленой проволоки и бронзовая бусина. В заполнении могилы найден солид герцога Фридриха Георга (герцогство Пруссия, 1694 г., Кёнигсберг) (Skvortsov K., 2007, S. 123, 124), попавший сюда в качестве заупокойной жертвы (?) носителей поздней формы прусского язычества. Датировка комплекса – конец V – начало VI вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. 1966, Фибулы юга европейской части СССР. Свод археологических источников, вып. Д1-30, Москва.
- Власов В.П. 1999, Лепная керамика из некрополя III-IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре, Киев, с. 322-371.
- Ефремов Л.А. 2010, Прусская керамика V-XII вв., Воронеж. Автореферат диссертации на соискание учёной степени «кандидат исторических наук».
- Казаквичюс В. 1988, Оружие балтских племён II-VII веков на территории Литвы, Вильнюс.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2001, Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки, Москва, с. 138-161.
- Кулаков В.И. 1994, Прусы (V-XIII вв.), Москва.
- Кулаков В.И. 1998, *Holibo*. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. // *Гістарычна-археалагічны зборнік*, № 13. Мінск.
- Кулаков В.И. 2003а, История Пруссии до 1283 г., Москва.
- Кулаков В.И. 2003б, Два поколения воинов Do-370 // Чтения, посвящённые 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции, ч. II, с. 67-73.
- Кулаков В.И. 2004, Эстии, вены и германцы на Самбии // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова, Москва, с. 100-108.
- Кулаков В.И. 2005а, Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского Музея (Майнц) // Российская археология, № 3, с. 123-127.
- Кулаков В.И. 2005б, Подвязные фибулы в юго-восточной Балтии // Российская археология, 2005, № 1, с. 37-49.
- Кулаков В. 2006, «Варварские» подражания провинциально-римским фибулам с «кнопками» в Балтии на фазах C1-D1 // *Archaeologia Lituana*, t. 7, Vilnius, с. 66-79.
- Кулаков В.И., Скворцов К.Н. 2000, Клипки из Кляйнхайде // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. № 15. Мінск. 2000, с. 40-52.

- Кулаков В.И., Тюрин Е.А. 2005, Комплексы V в. н.э. из могильника «Гора Великанов» // Российская археология, № 2, с. 115-130.
- Кулаков В.И., Скворцов К.Н. 2006, Результаты исследования грунтового могильника Lauth-Б.Исаково в 2003 г.: Раскоп XIII(Nord) // Древности Беларуси в системе межкультурных связей. Материалы по археологии Беларуси, вып. 11, Минск, 2006, с. 58-73.
- Обломський А.М. 1999, Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація) // Археологія, вып. 4, Київ, с. 76-88.
- Радюш О.А., Скворцов К.Н. 2008, Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов, Калининград, с. 122-157.
- Сымонович Э.А. 1993, Керамика // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР, Москва, с. 140-143.
- Щукин М.Б. 1999, Феномен черняховской культуры эпохи Константина-Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum plus, Санкт-Петербург–Кишинёв–Одесса, № 4, с. 66-101.
- Щукин М.Б. 2002, О первом появлении готов в Дунайско-Причерноморском регионе и начале черняховской культуры // Европа-Азия: проблема этнокультурных контактов. К 200-летию Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, с. 194-214.
- Andrzejowski J. 1995-1998, Wschodnia strefa kultury przeworskiej – próba definicji // Wiadomości Archeologiczne, t. LIV, s. 59-86.
- Bachor P. 1930, Weitere Belege für die altpreussische Wittwenverbrennung // Unsere Heimat, Nr 19.
- Brønstedt J. 1940, Danmarks oldtid, Bd. III, København.
- Bürk B. 1995, Keltische und kulturell verwandte Funde in Nordostdeutschland – mit besonderer Berücksichtigung der Mittel- und Spätlatènezeit // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, H. 36, S. 201-257.
- von Carnap-Bornheim C., Hilberg V. 2007, Einleitung // Skvorzov K., Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus dem Grabungen 1998 und 1999 // Offa, Bd. 61/62, 2004/05, S. 111-219.
- Cordie-Hackenberg R., Wigg A. 1998, Einige Bemerkungen zu spätlatène- und römerzeitliche handgemachter Keramik des Trieres Landes // Studien zur Archäologie der Kelten, Römer und Germanen in Mittel- und Westeuropa, Rahden, S. 103-117.
- Godłowski K. 1994, Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa und in Osteuropa // Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd. 8, Lieferung 5/6, Berlin–New York.
- Hegewisch M. 2000, Betrachtungen zur Entstehung, Verbreitung und Vielfalt spätkaiserzeitlicher Knopfenkelgefäße // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, H. 41, S. 531-560.
- Heske I. 2002, Jungbronzeitliche Lappenschalen im östlichen Braunschweiger Land // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen, Bd.33, Neumünster, S. 103-124.
- Jørgensen J. 1989, En kronologi for yngre romersk og ældre germansk jernalder på Bornholm // Simlegard-Trelleborg. Danske gravfund fra førromersk jernalder til vikingetid. Arkæologiske Skrifter, t. 3.
- Kazanski M. 1994, Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion//Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin/Marburg.
- Kokowski A. 1993, Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej, cz. II, Lublin.
- Leube A. 1995, Germanische Völkerwanderungen und ihr archäologischer Fundniederschlag // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, H. 36, S. 3-84.
- Madyda-Legutko R. 1986, Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum, Oxford.
- Madyda-Legutko R., Pohorska-Kleja E., Rodzińska-Nowak J. 2008, Ceramika z warsztatu garncarskiego z Sanoka, stan. 54, na tle materiałów ceramicznych z terenu górnego dorzecza Sanu. Próba interpretacji // Ceramika warsztatowa w środkowoeuropejskim Barbaricum, Wrocław, s. 9-22.

- Maćczyńska M., Rudnicka D. 2004, Ein Grab mit römischen Importen aus Czarnówko, Kr. Łęborg (Polen) // *Germania*, Bd. 82, 2. Halbband, Mainz, S. 397-429.
- Nowakowski W. 1996, Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg–Warszawa.
- Okulicz J. 1973, Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Okulicz Ł. 1970, Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza, Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Oleđzki M. 2004, The Wielbark and Przeworsk Cultures at the Turn of the Early and Late Roman Periods. The dynamics of settlement and cultural changes in the light of chronology // Friesinger H., Stuppner A., Zentrum und Periferie – Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte, Wien, p. 279-290.
- Radtz K. 1957, Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Offa-Bücher, Bd. 13, Neumünster.
- Skworzov K. 2007, Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus dem Grabungen 1998 und 1999 // Offa, Bd. 61/62, 2004/05, S. 111-219.
- Quast D. 2004, Münzabschläge der jungen römischen Kaiserzeit im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum // *Monumenta Studia Gothica*, t. IV, Europa Barbarica, Lublin, S. 375-385.
- Tejral J. 1999, Die Völkerwanderungen des 2. und 3. Jhs. und ihr Niederschlag im archäologischen Befund des Mitteldonauraumes // *Das mitteleuropäische Barbaricum und die Krise des römischen Weltreiches im 3. Jahrhundert*. Spisy Arch. Ústavu AV ČR, Brno, S. 137-213.
- Tomaszewska I. 1988, Groby kultury wielbarskiej na cmentarzysku w Kołozębiu, gm. Suchocin, woj. ciechanowskie // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*, Lublin, s. 105-116.
- Vagalinski L. 1999, Spätromische und völkerwanderungszeitliche Drehscheibenkeramik mit eingeglatzter Verziehrung südlich der unteren Donau (Bulgarien) // Gomolka-Fuchs G., *Die Sîntana de Mureş-Černiachov-Kultur*, Bonn, S. 155-178.
- Voß H.-U. 1994, Römische Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit zwischen Rhein und Elbe//*Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd.8. Lief 5/6. Berlin–New York.
- Wolągiewicz R. 1987, Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań // *Archeologia Polski*, t. 32, z. 1, s. 169-205.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт об охранных раскопках, проведённых Натангийским отрядом БАЭ ИА РАН на могильнике Б. Исаково-Лаут в 2000 году, № 24732.
- Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2002 г., № 25795.
- Архив ИА РАН, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 г., № 25796.
- Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2004 г., № 25797.
- Архив ИА РАН Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., (Отчёт о работах) вг. Калитниграде (на участке строительства коллектора от ул. Партизанской до ул. Горкого) и могильника Паут/Большое Исаково в Гурьевском районе в 2005 г., № 00898.